

Стена в гостиной

Гражданской войны, открылись двери сева­стопольской гимназии. Она уже но­сила имя Луначарского, но преподавали там по «старорежимным» программам. По окончании учёбы и по невозможности брату белых офицеров продолжить уче­ние в университете хватался за любую возможность заработка. Выпадала удача работать художником, чертёжником. Его заметил выпускник императорской Академии художеств Юрий Ипполитович Шпажинский, лучший сева­стопольский рисовальщик, и за шесть лет индивидуальных занятий преподавал ему академический курс. В конце двадца­тых перебрался в Ленинград, засветился перед светилами египтологии, его взяли практикантом в Эрмитаж. Так бы, вступи­в в особое российское сословие интелли­гентов — служителей «русского ковче­га», — и пробыл в нём до пенсии, читая иероглифы на ветхих папирусах, но...

Михаилу пришёл вызов из Сева­стополя, ему предстояло прохождение

военной службы. Болезнь лёгких изба­вила его от солдатской ляжки, но и вос­препятствовала возвращению в сырой кли­мат Ленинграда.

Глядя в окно на серые соликамские сугробы, Потапов несколь­ко извиняющимся тоном писал своим оставшимся в мягком кли­мате знакомым, что летом здесь очень даже жарко, хотя зимой, конечно, морозы случаются жестокие. А зимние сны, должно быть, возвращали его на тропинки Херсонеса, ступни снова ще­котала сухая и пахучая южная трава, он бродил вдоль античных колоннад, мимо стены василевса Зенона и развалин римского театра, угадывая в их пропорци­ях близость неовизантийского величия Владимирского собора. Стрекотали мел­кие крымские насекомые, вырастая в сновидении, как в окуляре микроскопа, во всей своей строгой симметрии и чи­стоте природных красок. В Севастополе

он, лаборант санэпидстанции, зарисовывал комаров, бабочек и мушек, любуясь совершенством узора и расшифровывая живой орнамент в функциональной геометрии крылышек и вибрисс.

Неустроенность, неопределённость 1920-х годов разметала друзей и знакомых. Все сева­стопольские церкви, кроме кладбищенской, закрылись. Календарь суровой эпохи перекинул очередной листок, обрывались былые житейские привязанности. И Михаил решает ехать в Москву, попробовать поступить в Академию худо­жеств. Но в секторе искусств Наркомпро­са, взглянув на его работы, сказали: да вам учиться уже нечему, вы художник сложившийся. И предложили на выбор три ва­рианта трудоустройства: в Исторический музей, в музей Изобразительных искусств или в Дарвиновский. Может быть, вспо­мнив лаборантские штудии у микроскопа, он выбрал последний и вместе со знамени­тым художником-анималистом Василием Ватагиным делил одну ставку на двоих.